

Новый регламент превратил обычную театральную постановку в прямую трансляцию из павильона. Нагрузка на участников во время репетиций резко выросла: теперь требовалось не просто переодеваться в костюмы, но и координировать действия с операторами, выверяя ракурсы и точки перехода камер. Чтобы сохранить интригу до финального показа, съёмочная группа объявила о временном отключении эфира на время прогонов.

Конкурсанты с наигранной неохотой помахали на прощание объективам своих персональных камер. Но едва погасли красные огоньки, в павильоне на мгновение воцарилась тишина, тут же сменившаяся дружным, полным облегчения вздохом.

Прямой эфир приносил им охваты и славу, но взамен требовал круглосуточного ощущения чужого, липкого взгляда. Избавившись наконец от надзора объективов, все почувствовали себя так, словно только что спаслись из зоны бедствия.

Кое-кто из участников вместе с ассистентами поспешил скрыться в курилке; другие лихорадочно выхватывали из рук помощников телефоны, чтобы связаться с внешним миром. Семнадцать конкурсанти и столько же их ассистентов сновали туда-сюда, создавая суету, достойную целой сотни человек.

Чу Цинюнь сидел на зрительской трибуне, молча наблюдая за этим муравейником.

У него не было постыдных тайн, требующих сокрытия, как не было и никого, кому хотелось бы позвонить. Резкий контраст между ним и шумной толпой внизу создавал ощущение, будто он парит где-то вне этого мира.

Си Тун, обычно без умолку трещащий над ухом, сейчас тоже притих. Стоя за его спиной, он украдкой протянул руку и кончиками пальцев коснулся кончиков волос Чу Цинюня — тех самых, что стилист только что уложил плойкой и аккуратно заправил за ухо.

— Хозяин, после вашего выступления пришло немало предложений от других агентств, — Си Тун наконец ухватил пару прядей и первым нарушил молчание. — Планируете продолжить переговоры с Компанией WD или смените компанию?

— Суд мы выиграем? — спросил Чу Цинюнь.

— Без сомнения. Предыдущий Переселенец в книгу сохранил все доказательства нарушений контракта со стороны агентства, так что тут без сюрпризов... Хозяин, я настоятельно рекомендую сменить компанию. По сюжету оригинального романа генеральный директор Компании WD — тоже отрицательный персонаж, который позже встанет на сторону Чжоу Чи. Не беспокойтесь о последствиях судебного процесса: если вы решите разорвать контракт, я покрою любые неустойки, даже если что-то пойдёт не так.

Чу Цинюнь кивнул:

— Тогда расторгаем.

Ответ прозвучал настолько обыденно, что Си Тун на секунду опешил, а затем просиял.

Вот оно — упоительное чувство безраздельного доверия.

Он торопливо вывел на экран телефона несколько файлов:

— Вот условия, которые они предлагают. С вами также связывались несколько агентов, и некоторые настроены крайне серьезно. Я отобрал лучшие варианты, взгляните.

Спустя какое-то время Сун Сюйян закончил свой звонок, отослал ассистента и подсел к Чу Цинюню.

— Нам нужно поговорить наедине, — негромко произнёс Сун Сюйян.

Си Тун проявил завидную чуткость: отступил на несколько шагов, встав на таком расстоянии, чтобы не подслушивать, но и не упускать их из виду.

Сун Сюйян усмехнулся:

— Он больше похож на твоего телохранителя, чем на друга.

— О чём ты хотел поговорить? — Чу Цинюнь повернулся к нему.

Сун Сюйян посерьёзней. Внимательно, прощупывая взглядом, он всматривался в лицо собеседника и лишь затем медленно спросил:

— Как много... как много ты забыл? Это случилось из-за травмы на съёмках шоу?

— Четыре года, — ровно ответил Чу Цинюнь. — Да, именно тогда.

Сун Сюйян и так знал об амнезии, к тому же помог скрыть это во время проверки на детекторе лжи, так что юлить не имело смысла.

— Как раз те самые четыре года в академии? Ну и не повезло же тебе, — Сун Сюйян тяжело вздохнул. — Получается, я так никогда и не узнаю, почему ты делал вид, будто мы незнакомы...

— Каким я был... в университете? — спросил Чу Цинюнь.

— Да таким же невыносимым, как в первую неделю на этом проекте, — раздосадованно буркнул Сун Сюйян. — Ты ведь смотрел записи трансляций?

— Смотрел.

— Мы учились на разных факультетах. При встречах ты делал круглые глаза, словно видишь меня впервые. Вечно молчал как партизан, смотрел исподлобья, волком. Говорят, на твоём курсе было то же самое. На первом-втором годах ещё куда ни шло — друзей не завёл, зато учился на отлично, преподаватели в тебе души не чаяли. А потом ты замкнулся окончательно. Я думал, тебя травят. Хотел зарыть топор войны и помочь, а ты взял и выставил меня за дверь!

Сун Сюйян распалялся всё сильнее:

— Если бы ты сам не сделал первый шаг на этом шоу, я бы к тебе в жизни больше не подошёл... Так почему ты себя так вёл? У тебя есть хоть какие-то догадки?

Чу Цинюнь нахмурился, погружаясь в размышления:

— Возможно, догадываюсь. А возможно — нет.

"Если верить Системе Главного Бога, поначалу Переселенец в книгу доверял Чжоу Чи, и лишь после череды интриг скатился в тяжелейшую депрессию. Это объясняет его поведение на старших курсах. Но почему на первых двух он не завёл ни одного друга? С тем же Сун Сюйяном они дружили в детстве — Переселенец в книгу вполне мог сослаться на то, что смутно помнит те годы, и выстроить отношения заново. Неужели тот парень страдал от социофобии? Но ведь Система Главного Бога утверждала, будто он переселился ради того, чтобы вкусить яркую жизнь главного героя. Социофоб, решивший украсть чужую судьбу в шоу-бизнесе, где каждый шаг сопряжён с публичностью? Абсурд"

— Ну так что? — заметив его нахмуренный лоб, Сун Сюйян взволнованно подался вперёд. — В чём причина? Это из-за семьи Чжоу? Они издевались над тобой? Ты что-то вспомнил? Голова не раскалывается?

— С чего ей раскалываться? — Чу Цинюнь стряхнул наваждение и тихо хмыкнул. — Пересмотрел сериалов?

— Я вообще-то переживаю! — надулся Сун Сюйян.

— Я правда не знаю, что произошло за эти четыре года, — Чу Цинюнь покачал головой. — В моей памяти месяц назад я ещё жил с мамой... Будь я в своём уме, я бы никогда не оттолкнул тебя.

Он посмотрел прямо в глаза другу:

— Наше детство я помню во всех деталях.

Уши Сун Сюйяна мгновенно запылали. Но стоило Чу Цинюню упомянуть приёмную мать, как на лице друга проступила глубокая, щемящая жалость.

— Семья Чжоу наверняка превратила твою жизнь в ад, иначе откуда бы взяться этой депрессии... Думаю, у тебя были веские причины. Глупо злиться на человека, который даже себя в тот момент не помнил.

— Спасибо, — Чу Цинюнь мягко улыбнулся.

Сейчас, без прицела объективов, он казался гораздо доступнее и мягче, неуловимо напоминая того открытого мальчика из детства.

— И спасибо, что прикрыл меня тогда... В детстве я ведь всегда считал тебя старшим братом.

— Ну вот ещё, выдумал тоже... — у Сун Сюйяна подозрительно заблестели глаза. Сделав глубокий вдох, он уставился в потолок, пытаясь сдержать эмоции. — Я ведь тоже всегда видел в тебе младшего братишку. Потому-то и бесился так сильно, когда ты меня игнорировал! Слушай, съезжай ты из Семьи Чжоу. Перебирайся ко мне, места полно.

— Спасибо, не нужно. Мне есть где жить.

После смерти приёмной матери Чу Цинюнь унаследовал её квартиру. Система подтвердила, что после выпуска он обосновался именно там.

Сун Сюйян не стал настаивать, лишь заботливо добавил:

— Если что-то случится — сразу звони. Моя семья, конечно, не чета Семье Чжоу, но в шоу-бизнесе наше слово имеет вес.

— Договорились.

Стоило Сун Сюйяну уйти, как Си Тун семенящим шагом вернулся на своё место, глядя на Чу Цинюня с немым обожанием.

— Что такое? — приподнял бровь Чу Цинюнь.

— Да так... Просто вы потрясающий, хозяин.

— Потрясающий?

Чу Цинюнь вспомнил, что Си Тун обладает абсолютным знанием сюжета и, вероятно, понял, что секундная слабость была разыграна как по нотам, а слёзы Сун Сюйяна — просчитанным результатом.

— Намекаешь на моё лицемерие?

— Что вы, ни в коем случае! Как можно называть это лицемерием! — Си Тун замахал руками с самым искренним возмущением. — Вы — главный герой, вас просто обязаны все любить! Стоит узнать вас чуть ближе, и никто не устоит перед вашим очарованием!

Заметив, как скептически Чу Цинюнь изогнул бровь, Си Тун драматично прижал руки к груди и откинулся назад:

— Как вы можете так думать о себе? Как смее сомневаться в собственной притягательности? Да я... когда ещё был всего лишь набором бездушных строчек кода и просто читал сценарий, уже обожал вас больше всех! А этим смертным посчастливилось увидеть вас воочию — как они могут не влюбиться?

"Если он действительно был лишь набором кодов, то в его программу определённо затесался какой-то безумный вирус"

Проигнорировав этот восторженный монолог, Чу Цинюнь вернулся к списку агентств и продюсеров, желавших предложить ему сотрудничество.

Все они наперебой расхваливали его дебютное выступление и прямо признавали, что видят в нём колоссальный коммерческий потенциал. Разнились только условия. Си Тун снабдил каждый профиль подробными примечаниями. Пролистав предложения, Чу Цинюнь обнаружил, что вариант, помещённый помощником на самое первое место, действительно был идеальным. Этот парень на словах предоставил ему свободу выбора, а на деле — уже всё решил за него.

В этот момент к ним направился ещё один гость.

Только что кривлявшийся Си Тун мгновенно преобразился. Под идеально скроенным пиджаком напряглись литые мускулы; он застыл, словно гончая перед прыжком.

— Братец, не уделишь мне пару минут? — раздался над головой приторный голос Чжоу Чи.

Чу Цинюнь даже не поднял глаз:

— Нет.

— Нам ведь всё равно придётся встретиться дома. Если мы продолжим делать вид, что не

замечаем друг друга, родителям будет неловко, — Чжоу Чи фальшиво улыбнулся и перевёл взгляд на его спутника. — А это, должно быть, зять? Мама рассказала мне обо всём. Не волнуйся, она просила держать это в секрете, так что я не стану трепаться о ваших отношениях. Я лишь хотел обсудить с братом предстоящий этап шоу.

— И что там обсуждать? — Чу Цинюнь наконец поднял голову, одарив его ледяной усмешкой. — То, как ты ворует чужие роли? Или то, как ты лишил Линь Шэна места на проекте, а вину попытался свалить на меня?

Вокруг не было посторонних, а маски между ними были давно сорваны. Чжоу Чи лишь снисходительно хмыкнул.

— Это было решение продюсеров. Организаторы умоляли меня об участии, так что моё положение изначально отличается от вашего — безвестной массовки, готовой перегрызть друг другу глотки ради ничтожного шанса пробиться в эфир.

Слово «массовка» он выделил с особым пренебрежением. Чу Цинюнь даже бровью не повёл, зато Си Тун рядом откровенно расхохотался.

— Надо же, снизошёл до нас великий гений! И при таком запредельном уровне величия тебе приходится подкупать преподавателей, чтобы украсть роль?

Грязная победа над Тан Цзиньи до сих пор аукалась Чжоу Чи лавиной критики в сети — это был единственный сокрушительный провал за всё время его участия в проекте. Лицо Чжоу Чи на миг исказилось, но он совладал с эмоциями и зло процедил:

— Да если бы я и забрал роль, тебе-то что? Сам-то чист перед законом? Если бы ты не разыграл тот дешёвый спектакль с костюмами, разве я обратил бы внимание на роль Тан Цзиньи? Ты просто использовал его, чтобы вставить мне палки в колёса!

— И даже так это в миллион раз благороднее, чем быть бездарным ничтожеством, способным выживать только за счёт воровства!

Си Тун, явно ловя кураж, заслонил собой Чу Цинюня и без малейшего намёка на светские приличия обрушился на Чжоу Чи:

— Думаешь, если урвал роль, то победа у тебя в кармане? Мой муж в «Дворце вечной жизни» произведёт фурор, а вот на твоё убожество ещё посмотреть надо. На первом выступлении ты выложил кругленькую сумму, чтобы связать ему руки, а в итоге сам же помог ему взлететь в топ трендов. Локти небось искусал от злости? Лайки под промо-фото видел? Сам вырядился в глухой скафандр, чтобы ни одного лишнего сантиметра кожи не показать, а в итоге собрал вдвое меньше просмотров, чем мой супруг. Ты что, прекрасно понимаешь, насколько ты невзрачный на его фоне, вот и бесишься, пытаешься хоть как-то удержать внимание публики?

В мире взрослых, особенно в лицемерном шоу-бизнесе, где каждый носит приторную маску, редко кто решался выплеснуть яд прямо в лицо. Все предпочитали воевать чужими руками в сети или в крайнем случае изящно обмениваться колкостями. Чжоу Чи, выросший в неге и роскоши, а после дебюта ставший всеобщим любимчиком, за всю жизнь не встречал столь вопиющей наглости. И надо же было такому случиться, что в этом проекте ему попались сразу двое сумасшедших, плевавших на любые правила приличия.

Один — холодный и язвительный Чу Цинюнь, а второй — этот придурок рядом с ним.

Ладно бы Чу Цинюнь просто отмалчивался, но его дружок выдавал тирады, достойные базарной хабалки! Его слова в точности повторяли самые ядовитые комментарии хейтеров из интернета.

Чу Цинюнь не выдержал и негромко рассмеялся. Откинувшись на спинку кресла, он с истинным удовольствием наблюдал за тем, как заливается пунцовой краской лицо Чжоу Чи.

Услышав смех, Си Тун мгновенно обернулся. Увидев, что Чу Цинюнь искренне хохочет, он на секунду замер с приоткрытым ртом, любуясь этой картиной. Затем, словно вспомнив о чём-то крайне важном, ловко выхватил из рук хозяина телефон и навёл на него камеру, начиная снимать видео.

Чжоу Чи опешил.

Лишившись дара речи от такой наглости, он окончательно перестал сдерживаться. Вся его благопристойность и аристократическое воспитание полетели к чертям. Чжоу Чи уставился на них бешеным взглядом:

— Да вы... вы оба конченные придурки! Чу Цинюнь, у тебя совсем крыша поехала? Я-то думал, ты нашёл себе крутого покровителя, а он... да он же обычный уличный дебил! Псих грёбанный!

Отсмеявшись, Чу Цинюнь глубоко вздохнул и протянул руку к Си Туна.

Тот нехотя выключил камеру и с обиженным видом протянул гаджет обратно, но Чу Цинюнь уклонился от телефона и слегка приподнял ладонь.

Глаза Си Туна вспыхнули безумным восторгом! Не веря своему счастью, он прижал свободную руку к губам, сделал шаг вперёд и опустился на корточки прямо у ног Чу Цинюня. Затаив дыхание, он осторожно, едва дыша, устроил свои ладони на его коленях.

Стоит признать, что несмотря на штамп в паспорте, между ними до этого момента не было абсолютно никакого физического контакта. Даже в палате Си Тун позволял себе лишь бережно придерживать Чу Цинюня за спину!

Чу Цинюнь с тихой улыбкой опустил ладонь на его макушку и ласково взъерошил мягкие волосы.

В голове Си Туна в этот момент, казалось, взорвался целый фейерверк.

Чжоу Чи смотрел на них как на умалишённых, с трудом сдерживаясь, чтобы не поинтересоваться, когда Чу Цинюнь скомандует своему цепному псу «апорт».

Он истерически хохотнул:

— Вы реально безумные. Чу Цинюнь, ты что, умом тронулся после смерти мамы? Где ты откопал это чудо, в местном дурдоме?

— Прощу прощения за его манеры, — Чу Цинюнь спокойно убрал руку и забрал свой телефон.
— Он у меня временно безработный, воспитанием не блещет.

Си Тун бережно коснулся макушки, словно пытаясь зафиксировать ощущение от прикосновения, и послушно кивнул:

— Вообще-то я очень вежливый. Просто иногда не могу удержаться от соблазна сказать чистую правду.

— Вы ещё пожалеете! — выплюнул Чжоу Чи. Одарив Чу Цинюня убийственным взглядом, он круто развернулся и зашагал прочь.

— Хозяин... это было так внезапно, — Си Тун всё ещё держал ладони на голове, глуповато улыбаясь. — Мой процессор едва не расплавился.

— Душу отвёл? — Чу Цинюнь с иронией посмотрел на него. — Не бойшься, что он отыграется на мне?

— Он и так постоянно пытается вам навредить, — Си Тун наконец поднялся и заговорил уже серьёзнее. — Буду я молчать или нет, его пакостный характер не изменится. А вот лишить его самообладания — отличный тактический ход, пусть суетится и совершает ошибки. За вашу безопасность не переживайте, я костями лягу, но защищу вас! И вообще...

— Что «вообще»?

— Вообще-то вы только что улыгнулись! — Си Тун широко распахнул глаза, сияя от гордости.
— Я ведь ваша Система Главного Бога. Моя главная директива — делать вас счастливым.

Пожалуй, сегодня Чу Цинюнь улыбался чаще, чем за все дни с момента пробуждения в больничной палате. Он тихо хмыкнул и неторопливо поднялся:

— Что ж... признаю, толк от тебя есть.

И Чжоу Чи, и Чу Цинюнь оставались главными фигурами проекта, к которым было приковано всеобщее внимание. И пускай остальные участники не слышали деталей их разговора, они прекрасно видели, как Чжоу Чи шёл туда с победоносной улыбкой, а вернулся чернее тучи, распространяя вокруг себя волны ледяной ярости.

Никому не хотелось навлекать на себя гнев влиятельного айдола, поэтому гул в павильоне заметно утих. Конкурсанты один за другим потянулись на сцену.

Сцена Чжоу Чи требовала предельного эмоционального накала, и бушевавшая внутри злость парадоксальным образом помогла ему выдать блестящую игру, искренне удивив преподавателя актёрского мастерства.

Хэ Юэ, наблюдавшая за тем, как Си Тун обратил в бегство грозного соперника, подошла к Чу Цинюню и негромко заметила:

— Хорошо, что ты довёл его именно сегодня. Иначе на репетиции нам бы не сдобровать.

Чу Цинюнь удивлённо приподнял бровь, уловив в её голосе неприкрытую неприязнь к Чжоу Чи.

Заметив его недоумение, девушка усмехнулась:

— Бросай уже эту свою привычку принижать себя. Все прекрасно видят, как грязно он поступил с Сяо Таном и как травит тебя. Поверь, те, кто сейчас крутятся вокруг него, делают это исключительно ради того, чтобы погреться в лучах славы его фандома.

— Твоими бы словами, — Чу Цинюнь тепло улыбнулся. — Впрочем, даже если бы я разозлил его завтра, наша группа всё равно бы не проиграла. Слишком уж мы сильны.

Хэ Юэ, облачённая в генеральский мундир маршала, с шутливой разбойничьей грацией прижала кулак к ладони в традиционном приветствии:

— Твоими бы словами.

<http://bllate.org/book/20480/2189275>